

Главная | Поиск по алфавиту | А Б В Г Д Е Ж З И Й К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Э Ю Я

Воскресенье 24-11-2024 | 13:04

<<[Вернуться назад](#)

ПРИСК ПАНИЙСКИЙ

Ритор и софист, уроженец фракийского города Παλιον, жил в V в. О жизни его известно только то, что он сам сообщает в своих произведениях. Между прочим, в 448 г. он участвовал в посольстве Максимиана к знаменитому гунскому царю Аттиле, а в 452 г. сопровождал того же Максимиана в Аравию и Египет. По данным Свиды, он писал «Риторические упражнения», письма и «Византийскую историю» (ἱστορία Βυζαντιακή в 8 книгах, первая часть которой, невидимому, носила частное заглавие ἱστορία Γοτθική; История его, о которой с большой похвалой отзываются ученые, обнимала собой, по видимому, период времени с 433 по 474 г.

Собрание отрывков: Mueller, FHG, IV, стр. 69—110; Dindorf Historici Graeci minores, I, 275—352. Мы даем текст по последнему изданию [2](#).

ГОТСКАЯ ИСТОРИЯ

(ISTORIA GOTΘIKH)

1. Руа [3](#), царь гуннов, решив вступить в войну [4](#) с амилзурами [5](#), итимарами, товосурами, бисками (Βοισκις) [6](#) и другими народами, жившими по Истру и прибежавшими под защиту римлян, посылает Эслу [7](#), обыкновенно служившего ему при расправах с римлянами, угрожая нарушить раньше заключенный мир, если они не выдадут всех перебежавших к ним. Римляне предположили послать посольство к гуннам; быть послами выразили желание Плинты и Дионисий, из коих Плинта [8](#) был родом скиф, а Дионисий [9](#) — фракиец; оба они предводительствовали войсками и исправляли у римлян консульскую должность. Но так как предполагалось, что Эсла возвратится к Руе раньше этого посольства, то Плинта послал вместе с ним одного из своих родственников Сенгилаха [10](#) чтобы уговорить Руу вести переговоры с ним, а не с другими римлянами. Когда же Руа скончался [11](#) и царская власть над г гуннами перешла к Аттиле и Бледе [12](#), римский сенат решил отправить Плинту послом к ним. По утверждению этого решения императором Плинта выразил желание, чтобы вместе с ним отправился послом Эпиген [13](#), пользовавшийся величайшей славой за свой ум и занимавший должность квестора. Когда его избрание также состоялось, они оба отправились послами и прибыли в Марг [14](#); это был город иллирийских мезийцев, лежавший на реке Истре против крепости Констанции, расположенной на другом берегу; сюда собрались и царские скифы [15](#). Они устроили съезд вне города, сидя на конях, так как у варваров не было в обычае вести совещания спешившись; поэтому и римские послы, заботясь о своем достоинстве, явились к скифам с соблюдением этого же обычая чтобы не пришлось беседовать одним на конях, а другим пешими, [16](#) что римляне не только на будущее время не будут принимать прибегающих из скифской земли, но выдадут и перебежавших уже вместе с

римскими военнопленными, прибывшими в свою страну без выкупа, если не будет дано по восьми золотых за каждого беглеца приобретшим их во время войны; римляне обязуются не вступать в союз с варварским народом, поднимающим войну против гуннов; ярмарки должны быть равноправны и безопасны для римлян и для гуннов; договор должен соблюдаться и оставаться в силе с тем чтобы со стороны римлян ежегодно уплачивалось по семисот литр золота царским скифам (а раньше сумма дани равнялась тремстам пятидесяти литрам) ¹⁷. На этих условиях римляне заключили договор с гуннами и поклявшись отеческой клятвой, обе стороны возвратились восвояси. Перебежавшие к римлянам были выданы варварам, в том числе и дети Мама ¹⁸ и Атакам ¹⁹ из царского рода, которых получившие распяли во фракийском укреплении Карее ²⁰ в наказание за бегство. По заключении мира с римлянами Аттила и Бледа обратились к покорению народов, обитавших в Скифии, и вступили в войну с соросгами ²¹.

1 b. Скифы осаждали Наисс ²², иллирийский город на реке Данубе ²³. Говорят, что основателем его был Константин, который воздвиг и соименный себе город у Византия. Варвары, желая взять этот многолюдный и укрепленный город, делали всевозможные попытки. Так как горожане не осмеливались выступить для битвы, то осаждающие с целью устроить своим полчищам легкий переход через реку построили на ней мост с южной стороны, с которой она обтекает город, и подвели к стене машины, именно прежде всего лежащие на колесах бревна вследствие удобства их для подвоза; стоявшие на них люди стреляли в защитников, находившихся на брустверах, причем люди, стоявшие на обоих краях, толкали ногами колеса и подвозили машины куда нужно, чтобы возможно было стрелять с прицелом через проделанные в прикрытиях окна; ибо для того, чтобы стоявшим на бревнах людям можно было сражаться безопасно, эти машины, прикрывались плетнями из прутьев с кожами и шкурами для защиты как от прочих снарядов, так и от огненосных, которые бросали в них враги. После того, как было построено таким образом большое количество орудий против города, так что защитники на брустверах принуждены были податься и отступить перед множеством метательных снарядов, стали подвозиться и так называемые бараны. Это также очень большая машина: это было бревно, свободно висевшее на цепях между склоненными один к другому брусьями и имевшее острый наконечник и покрышки, устроенные вышеуказанным образом, для безопасности рабочих. Именно люди сильно натягивали его канатами с заднего конца в противоположную сторону от предмета, долженствовавшего получить удар, и затем отпускали, так что от силы удара уничтожалась вся подвергшаяся ему часть стены. Стоявшие на стенах защитники в свою очередь бросали заранее для этого приготовленные тележные ²⁴ камни, когда орудия подвозились к ограде, и некоторые из них разбили вдребезги вместе с людьми, но против множества машин сил их хватало. Осаждавшие подвозили и лестницы, так что город был взят после того, как в иных местах стена была разбита баранами, а в других стоявшие на брустверах принуждены были отступить перед множеством машин, и варвары пробрались в город через разбитую ударом барана часть ограды, а также и по лестницам, которые подвозились к не упавшей еще части стены ²⁵.

2. Когда скифы во время ярмарки напали на римлян ²⁶ и многих перебили, римляне отправили к ним послов, обвиняя их во взятии укрепления и пренебрежении к перемирию. Скифы отвечали, что в этом деле они не были зачинщиками, а только оборонялись; ибо епископ города Марга, явившись в их землю и обыскав находящиеся у них царские гробницы, похитил положенные в них сокровища; и если римляне не выдадут его, а также и беглецов согласно договору — ибо у римлян было еще огромное количество их, — то они начнут войну. Когда же римляне отвергли справедливость этого обвинения, то варвары, настаивая на верности своих слов, не захотели передавать на суд возникшие недоразумения, а предпочли войну и, переправившись через Истр, опустошили по реке множество городов и укреплений, в числе которых взяли и

Виминаций [27](#), город иллирийских мезийцев. После этого, когда некоторые стали говорить, что следует выдать епископа маргского, чтобы из-за одного человека не навлекать опасности войны на всю римскую державу, то этот человек, подозревая возможность своей выдачи, тайно от горожан пришел к врагам и обещал предать им город, если скифские цари дадут ему приличную награду. Они отвечали, что осыплют его всякими благами, если он приведет в действие свое обещание. Обменявшись рукопожатиями и клятвами в исполнении сказанного, он возвращается на римскую землю с варварским полчищем и посадив его в засаду против берега, ночью поднимает его условным сигналом и предает город врагам. Когда Марг был опустошен таким образом, могущество варваров еще более возросло [28](#).

3. При императоре Феодосии младшем [29](#) гунский царь Аттила, собрав свое войско, послал к императору письмо [30](#) с требованием, чтобы к нему немедленно были высланы беглецы и взносы дани, которые не были выданы под предлогом этой войны, а для улажения вопроса о будущей дани были присланы к нему послы для переговоров; он прибавил, что если римляне будут медлить или готовиться к войне, то он даже при желании не в состоянии будет удержать скифские полчища. Прочитав это, царедворцы сказали, что никоим образом не выдадут прибежавших под их защиту, но с ними вместе выдержат войну, и решили послать послов для разрешения недоразумений. Когда до Аттилы дошло решение римлян, он в гневе стал опустошать римскую землю и, разрушив несколько укреплений, приступил к крупнейшему и многолюдному городу Ратиарии [31](#).

4. Феодосии послал консуляра Сенатора [32](#) в качестве посла к Аттиле. Он, даже нося имя посла, не решился прибыть к гуннам сухим путем, а отплыл к Понту и городу Одессу [33](#), в котором пребывал и высланный ранее военачальник Теодул [34](#).

5. После битвы римлян с гуннами при Херсонесе [35](#) был заключен мирный договор при посредстве посла Анатолия [36](#). Они помирились на том, чтобы гуннам были выданы беглецы и дано было шесть тысяч литр золота согласно прежним условиям; ежегодная дань была установлена в две тысячи сто литр золота; за каждого римского военнопленного, бежавшего и перешедшего без выкупа в свою землю, должно быть выдаваемо по оценке двенадцать золотых, а в случае неуплаты принявшие беглеца обязаны выдавать его; римляне не должны принимать ни одного варвара, бежавшего к ним. Римляне притворялись, что добровольно заключают такой договор; но на деле они, благодаря необходимости и отчаянному страху, который обуял их начальников, стремились к заключению мира и готовы были принять всякое, даже самое тягостное требование; поэтому они согласились на условия дани, весьма для них тяжкие, так как их доходы и царские сокровища были растрочены не на дело, а на бесцельные зрелища, безрассудную пышность, распущенные удовольствия и другие расходы, которых ни один благоразумный человек не выдержал бы даже при благоприятных обстоятельствах, не говоря уже о тех, кто пренебрегал оружием. Поэтому они повиновались требованиям дани не только со стороны скифов, но и прочих варваров, живших на границах римских областей [37](#)...

8. Когда евнух Хрисафий [38](#) уговорил Эдекона убить Аттилу [39](#), император Феодосии и магистр Марпиалий [40](#) на совещании о предстоящих делах решили отправить послами к Аттиле не только Бигилу, но и Максимиана [41](#) с тем, чтобы Бигила, под видом исполнения должности переводчика, делал все, что прикажет ему Эдекон, и Максимин, ничего не знавший об их замысле, передал письмо императора. Относительно посылаемых лиц в нем было написано, что Бигила — переводчик, а Максимин выше Бигилы по достоинству, из знатного рода и очень близок к императору; затем император писал, что не следует Аттиле, нарушая перемирие, высаживаться на римскую землю; «а беглецов, сверх выданных уже, я отправил к тебе семнадцать, так как других нет». Таково было

содержание письма; кроме того Максимино было приказано сказать на словах Аттиле, что не следует ему требовать, чтобы к нему приходили послы высшего достоинства, так как это не делалось ни при его предках, ни при других владетелях Скифии, а бывали послами первый попавшийся солдат или вестник; что для разрешения недоразумений следовало послать к римлянам Онегесия [42](#), так как Аттиле неприлично было бы после опустошения Сердики [43](#) прибыть в нее с лицом консульского звания. Максимин просьбами убедил меня сопутствовать ему в этом посольстве. И вот мы, совершая путь вместе с варварами, приезжаем в Сердику, отстоящую от Константинополя на тринадцать дней пути для хорошего пешехода. Остановившись здесь, мы сочли приличным пригласить на обед Эдекона с сопровождавшими его варварами. Купив у туземцев овец и быков и зарезав их, мы приготовили обед. Когда во время пира варвары стали восхвалять Аттилу, а мы — императора, Бигила сказал, что несправедливо сравнивать бога с человеком, разумея под человеком Аттилу, а под богом — Феодосия. Гунны обиделись на это и, понемногу разгорячась, стали сердиться. Мы перевели разговор на другой предмет и старались любезностью смягчить их гнев. Когда мы встали после обеда, Максимин почтил Эдекона и Ореста [44](#) подарками, именно шелковыми одеждами и индийскими камнями. Орест, выждав удаления Эдекона, говорит Максимино, что он человек умный и прекрасный, так как не пренебрег им подобно царедворцам; ибо они без него приглашали Эдекона на обед и оказывали почет дарами. Так как его речь показалась нам ничего не знавшим, неясной и мы спросили, каким образом и когда именно он был обижен, а Эдекон почтен, он вышел без всякого ответа. На следующий день мы дорогой сообщили Бигиле, что нам сказал Орест. Бигила отвечал, что Орест не должен обижаться, не получая одинаковых с Эдеконом почестей, так как он только прислужник и пиесец Аттилы, а Эдекон как известный храбрец на войне и природный гунн, многим превышает Ореста. Сказав это и переговорив наедине с Эдеконом, он позже говорил нам, вправду или притворно, что передал ему наш разговор и едва успокоил его, так как он пришел в гнев от сказанного. Прибыв в Наисс, мы нашли этот город лишенным населения, так как он был разрушен неприятелями; лишь в священных обителях оставалось несколько одержимых болезнями. Мы остановились немного выше реки на чистом месте, так как весь берег был покрыт костями убитых на войне. На следующий день мы прибыли к Агинтею, предводителю расположенных в Иллирии войск [45](#), находившемуся недалеко от Наисса, с тем, чтобы сообщить ему распоряжения императора и взять беглецов: он должен был передать пятерых из семнадцати, о которых было написано Аттиле. Мы переговорили с ним и упросили передать гуннам пятерых беглецов; он обласкал их и отпустил с нами. Переночевав и от пределов Наисса направив путь к реке Истру, мы вступили в узкую долину, имевшую много поворотов, извилин и обходов; здесь на рассвете, когда мы думали, что идем к западу, восход солнца оказался пробив нас, так что незнакомые с положением долины закричали от удивления как будто бы солнце шло по обратному пути и представляло явление противное естественному. На самом же деле вследствие извилин местности эта часть дороги была обращена к востоку. После трудной дороги мы вышли в болотистую равнину. Варвары-перевозчики приняли нас и перевезли через реку [т. е, Истр] на челноках-однодеревках, которые они изготавливают сами, срубая деревья и выдалбливая их. Они приготовились не ради нас, а уже раньше перевезли толпу варваров, которая встретила нас по дороге, так как Аттила хотел перейти на римскую землю под предлогом охоты. Это было для царственного скифа приготовлением к войне под тем предлогом, что не все беглецы были ему выданы. Переправившись через Истр и пройдя с варварами около семидесяти стадиев, мы принуждены были ждать в одной равнине, пока Эдекон со своими спутниками не возвестил Аттиле о нашей прибытии [46](#). Вместе с нами остановились и провожавшие нас варвары. В сумерки, когда мы сидели за ужином, послышался топот приближающихся к нам коней. Это прибыли два скифа с приказанием отправиться к Аттиле. Мы предложили им сначала поужинать с нами, и они, сойдя с лошадей, получили угощение, а на другой день показывали нам дорогу. Когда мы в девятом часу дня [47](#) прибыли к шатрам Аттилы, которых было у него очень много, и хотели поставить наши шатры на холме, случившиеся тут варвары не

позволили этого, так как шатер самого Аттилы стоял в низине. Когда мы остановились, где указали скифы, к нам пришли Эдекон, Орест, Скотта [48](#) и другие знатные у них лица с вопросом, с какой целью явилось наше посольство. Пока мы удивлялись этому странному вопросу и переглядывались друг с другом, они продолжали настаивать на ответе. Наконец, мы сказали, что император приказал объяснить эту цель Аттиле, а не другим; тогда Скотта с сердцем отвечал, что таково приказание их повелителя, — ибо они не пришли бы к нам ради своего любопытства. Мы отвечали, что нет такого обычая относительно послов, чтобы они, не представившись лично тем, к кому посланы, посредством других лиц были допрашиваемы о цели посольства, и что это не безызвестно и самим скифам, часто посылавшим посольства к императору; что мы должны получить равное тому, что получали скифы у нас и иначе не скажем цели нашего посольства. Тогда они уехали к Аттиле, но затем вернулись без Эдекона и сообщили нам все, из-за чего мы были посланы, приказывая при этом как можно скорее удалиться, если мы не имеем сказать ничего другого. Этими словами мы были приведены в большее еще недоумение, каким образом стало известно принятое втайне решение императора; мы признали, однако, полезным ничего не отвечать насчет цели посольства, если не добьемся приема у Аттилы; поэтому мы сказали, что было ли целью нашего посольства сказанное скифам, или что-либо другое — об этом должен узнать их повелитель и что мы не будем разговаривать об этом с другими. Тогда они приказали нам тотчас удалиться. Во время приготовлений к пути Бигила стал бранить нас за ответ, говоря, что лучше быть уличенными во лжи, нежели удалиться ни с чем. «Если бы мне удалось поговорить с Аттилой,— сказал он,— то я легко убедил бы его прекратить вражду с римлянами, так как я подружился с ним во время посольства при Анатолии». Поэтому Эдекон к нему расположен и под видом посольства и речей, которые должны быть сказаны так или иначе, или истинно, или ложно, он найдет предлог переговорить относительно плана, принятого ими против Аттилы, и принести золото, в котором нуждался Эдекон, по его собственным словам, для раздачи подчиненным ему людям. Бигила не знал, что уже был предан Эдеконом. Дело в том, что Эдекон, или коварно давший свое обещание, или испугавшийся, чтобы Орест не довел до сведения Аттилы то, что он сказал нам в Сердице после пира (когда он обвинял Эдекона в том, что он без него вел переговоры с царем и с евнухом),— донес Аттиле о составленном против него заговоре и о количестве золота, которое должны были выслать римляне, а также выяснил и цель нашего посольства. Когда поклажа была уже навьючена на животных, и мы по необходимости хотели попытаться двинуться в путь в ночное время, пришли некоторые варвары и сказали, что Аттила приказал нам подождать ввиду ночного времени. В ту самую деревню, из которой мы поднялись в путь, пришли какие-то люди с быком и с речными рыбами, присланными от Аттилы. Мы поужинали и легли спать. С наступлением дня мы надеялись получить от варвара что-либо благосклонное и любезное; но он снова прислал тех самых людей с приказанием удалиться, если мы не имеем сказать кроме известного им. Мы, ничего не отвечая, стали готовиться в путь, хотя Бигила настоятельно советовал сказать, что у нас есть и другие заявления. Видя Максимиана в большом унынии, я взял Рустиция [49](#), знавшего варварский язык и прибывшего с нами в Скифию (не в составе посольства, а по какому-то делу к Констанцию, родом италиоту, которого полководец западных римлян Аэций прислал к Аттиле в качестве секретаря) [50](#), и, придя к Скотте (так как Онегесия в то время не было), обратился к нему и через переводчика Рустиция сказал что он получит от Максимиана множество даров, если выхлопочет ему аудиенцию у Аттилы, так как его посольство будет полезно не только римлянам и гуннам, но и Онегесию, который хочет идти к самому императору для разъяснения возникших между нашими народами недоразумений и по прибытии получит величайшие дары. Поэтому он, Скотта, должен в отсутствие Онегесия оказать нам, а еще более брату, содействие в добром деле. Я говорил ему, что, как мне сообщили, Аттила слушается и его, до что сказанное о нем не будет заслуживать доверия, если мы не узнаем на опыте его силу. Скотта, прервав меня, сказал, чтобы мы не сомневались, что и он говорит и действует у Аттилы одинаково с братом, и, тотчас вскочив на коня, поскакал к шатру Аттилы.

Возвратившись к Максимиана предававшемуся унынию вместе с Бигилой и крайне расстроенному положением дел я передал ему свой разговор со Скоттой и полученный от него ответ и прибавил, что нужно приготовить дары для передачи варвару и обдумать, что мы ему скажем. Оба они, вскочив (я застал их лежащими на траве), похвалили мой поступок, отозвали назад людей, уже выступивших с вьючными животными, и стали обсуждать, как будут приветствовать Аттилу и как передадут ему дары императора и те, которые привез сам Максимин. Пока мы занимались этим, Аттила пригласил нас через Скотту, и вот мы явились к его шатру, охраняемому кругом толпой варваров. Получив позволение войти, мы застали Аттилу сидящим на деревянном кресле. Мы стали немного поодаль трона; Максимин, приблизившись, приветствовал варвара и, передав ему письмо императора, сказал, что император желает доброго здоровья ему и окружающим его. Аттила ответил пожеланием римлянам того же, чего они ему желают, и тотчас обратился к Бигиле, обзывая его бесстыдным животным и спрашивая, с какой стати он пожелал явиться к нему, зная решение его и Анатолия о мире, причем было сказано, чтобы к нему не являлись послы прежде, чем все беглецы не будут выданы варварам. Когда же Бигила ответил, что у римлян нет беглецов из скифского народа, так как все бывшие уже выданы, Аттила, еще больше рассердившись и осыпав его бранью, крикнул, что он посадил бы его на кол и отдал на съедение хищным птицам, если бы не показалось нарушением посольского устава то, что он подверг бы его такому наказанию за бесстыдство и дерзость его слов; он прибавил, что у римлян есть много беглецов из его племени и приказал секретарям прочесть их имена, записанные на хартии. Когда они прочитали всех, он приказал Бигиле удалиться без всякого промедления, прибавляя, что он пошлет вместе с ним и Эслу сказать римлянам, чтобы они выслали к нему всех варваров, перебежавших к ним со времен Карпилеона (сына Аэция, римского полководца на Западе), бывшего у него заложником; ибо, говорил он, он не допустит, чтобы его рабы выступали в битву против него, хотя бы они и не могли быть полезны вверившим им охрану своей земли: в самом деле,— говорил он,— какой город или какое укрепление, которым он вознамерился овладеть, спасены ими?

Возвестив императору его решение относительно беглецов, послы должны тотчас возвратиться с известием, желают ли римляне выдать их, или берут на себя войну из-за них. Приказав раньше Максимиану подождать, чтобы через него ответить императору на его письмо, он потребовал дары. Передав их и возвратившись в наш шатер, мы стали обсуждать каждое слово Аттилы. Когда Бигила выражал удивление тому, что Аттила, показавшийся ему во время прежнего посольства человеком кротким и спокойным, теперь так грубо бранил его, я высказал предположение, не внушили ли Аттиле нерасположение к нему некоторые из варваров, пировавших вместе с нами в Сердике, сообщив, что он называл римского императора богом, а Аттилу — человеком. Максимин признал это предположение вероятным, так как он не принимал участия в заговоре, который евнух составил против варвара; но Бигила оставался в недоумении и, как мне казалось, не мог уяснить себе повода, по которому выбрал его Аттила: он не думал, чтобы Аттиле были сообщены слова его в Сердике,— как он позднее нам рассказывал— или заговор, так как никто другой из посторонних вследствие обуявшего всех страха не решался вступать в беседу с ним, а Эдекон во всяком случае должен был хранить тайну по причине клятвы и неизвестности дела, чтобы и самому, как у частнику таких бесед, не быть признанным заговорщиком и не подвергнуться смертной казни. Пока мы были в таком недоумении, вдруг явился Эдекон и отведя Бигилу в сторону от нашего собрания и притворяясь говорящим правду ради задуманного им плана, просил принести золото для раздачи людям, которые придут вместе с ним для исполнения дела, а затем ушел. Когда я полюбопытствовал узнать, что говорил Эдекон, Бигила постарался обмануть меня, будучи обманут сам, и, скрыв истинную причину, сказал, что ему было сообщено самим Эдеконом, будто Аттила сердится и на него из-за беглецов: следовало или получить всех их, или притти к нему послам из самой высшей знати. Пока мы беседовали об этом, явились некоторые из людей Аттилы и сказали, чтобы ни Бигила, ни мы не покупали ни римского пленника, ни раба из варваров, ни лошадей, ни чего-либо другого, кроме

съестных припасов, пока не будут разрешены недоразумения между римлянами и гуннами. Это было сделано варваром умно и искусно, так что Бигила легко мог быть изблещен в своем замысле против него, не умея объяснить причины, по которой он привез золото, а мы под предлогом ответа, который будет дан до делам нашего посольства, должны были ждать Онегесия, чтобы он мог получить дары, которые мы сами хотели дать и которые прислал император. Он со старшим сыном Аттилы [51](#) в это время был послан к акатирам [52](#), народу скифского племени, подчинившемуся Аттиле по следующей причине. У этого народа было много начальников по коленам и родим; император Феодосий послал им дары для того, чтобы они по взаимном соглашению отказались от союза с Аттилой и предпочли союз с римлянами. Но посланный с дарами роздал их не до порядку каждому из царьков народа, так что Куридах [53](#) старший по власти, получил дары вторым и, как обиженный и лишенный принадлежавших ему даров, призвал Аттилу против своих соправителей. Последний не замедлил выслать большую силу и одних перебил, а других склонил к подчинению; затем он пригласил Куридаха для участия в праздновании победы; но тот, заподозрив злой умысел, ответил, что трудно человеку явиться перед лицом бога: ведь если даже на солнечный диск нельзя посмотреть пристально, то как может кто-либо невредимо лицезреть величайшего из богов? Таким образом, Куридах остался на родине и сохранил свою власть, между тем как весь остальной народ акатирский подчинился Аттиле. Желая поставить своего старшего сына царем этого народа, он и послал Онегесия для устройства этого дела. Поэтому-то и нам он, как сказано, приказал подождать, а Бигилу отправил вместе с Эслой в римские владения под предлогом отыскания беглецов, а на самом деле для доставки золота Эдекону.

Когда Бигила двинулся в путь, мы оставались на месте один день после его отъезда, на следующий день отправились с Аттилой в северную часть его страны. Проехав некоторое пространство вместе с варваром, мы свернули на Другую дорогу по приказанию наших проводников-скифов, объяснивших, что Аттила должен заехать в одну деревню, в которой он хотел жениться на дочери Эскама [54](#); хотя он уже имел множество жен, но хотел еще взять и эту по скифскому обычаю. Оттуда мы продолжали путь по ровной дороге, пролежавшей по равнине, и встретили судоходные реки, из коих самыми большим после Истра были Дрекон, Тигас и Тифесас [55](#). Мы переправились через них на челноках-однодеревках, употребляемых прибрежными жителями, а остальные реки переплывали на плотях, которые варвары возят с собой на повозках для употребления в местах, покрытых разливами. В деревнях нам доставлялось продовольствие, притом вместо пшеницы просо, а вместо вина — так называемый по-туземному «мед» [56](#); следовавшие за нами слуги также получали просо и напиток, добываемый из ячмени; варвары называют его «камос» (καμων) [57](#). Совершив длинный путь, мы под вечер расположились на ночлег у одного озера с годной для питья водой, которой пользовались жители близлежащей деревни. Вдруг поднялась буря с вихрем, громом, частыми молниями и сильным дождем; она не только опрокинула нашу палатку, но и покатила все наши пожитки в воду озера. Перепуганные разбушевавшейся стихией и всем случившимся, мы покинули это место и впотьмах, под дождем, потеряли друг друга, так как каждый обратился на ту дорогу, которую считал для себя легкой. Добравшись до хижин деревни, — ибо оказалось, что мы все двинулись разными путями по одному направлению, — мы собрались вместе и с криком стали разыскивать оставших. Выскочившие на шум скифы зажгли тростник, который они употребляют как горючий материал, осветили местность и спрашивали, из-за чего мы кричим. Когда бывшие с нами варвары ответили, что мы испугались бури, они позвали нас к себе, оказали гостеприимство и обогрели, зажигая множество тростника. Правившая в деревне женщина, оказавшаяся одной из жен Бледы, прислала нам съестных припасов и красивых женщин для компании согласно скифскому обычаю почета. Этих женщин мы угостили предложенными нам кушаньями, но от общения с ними отказались и провели ночь в хижинах. С наступлением дня мы обратились к розыскам своих пожитков и, найдя

все, частью на том месте, где остановились накануне, частью на берегу озера и частью даже в воде, собрали вместе. Этот день мы провели в деревне, просушивая все пожитки; ибо буря прекратилась, и солнце ярко светило. Обрядив также лошадей и остальных выючных животных, мы пришли к царице, приветствовали ее и предложили ответные дары, именно три серебряные чаши, красные кожи [58](#), индийский перец, финики и другие лакомства, которые дорого ценятся, потому что не встречаются у варваров; затем мы удалились, пожелав ей благополучия за ее гостеприимство. Совершив семидневный путь, мы остановились в одной деревне по приказанию провожавших нас скифов, так как Аттила должен был заехать в нее по пути, и нам следовало ехать позади него. Здесь мы встретились с людьми из западных римлян, также прибывшими в качестве послов к Аттиле. В числе их были: Ромул [59](#) удостоенный почетного звания комита, правитель Норикской области Промут [60](#) и предводитель воинского отряда Роман; с ними был Констанций, которого Аэций послал к Аттиле в качестве секретаря» и Татул [61](#), отец эдеконова спутника Ореста. Последние двое путешествовали с названными лицами не в составе посольства, а по личным отношениям, именно: Констанций — благодаря завязанному еще в Италии знакомству с этими лицами, а Татул — по родству, так как сын его Орест был женат на дочери Ромула [62](#) ...

Съехавшись с ними на дороге и выждав, чтобы Аттила проехал вперед, мы последовали за ним со всей его свитой. Переправившись через какие-то реки, мы приехали в огромное селение, в котором, как говорили, находились хоромы Аттилы [63](#), более видные, чем во всех других местах, построенные из бревен и хорошо выстроганных досок и окруженные деревянной оградой, опоясывавшей их не в видах безопасности, а для красоты. За царскими хорами выдавались хоромы Онегесия, также окруженные деревянной оградой; но она не была украшена башнями подобно тому, как у Аттилы. Неподалеку от ограды была баня, которую устроил Онегесий, пользовавшийся у скифов большим значением после Аттилы. Камни для нее он перевозил из земли деонов [64](#), так как у варваров, населяющих эту область, нет ни камня, ни дерева, и они употребляют привозной материал. Строитель бани, привезенный из Сирмия [65](#) пленник, ожидавший освобождения за свое искусство, неожиданно подал в беду, более тяжкую, чем рабство у скифов: Онегесий сделал его банщиком, и он служил во время мытья ему самому и его домашним. При въезде в эту деревню Аттилу встретили девицы, шедшие рядами под тонкими белыми и очень длинными покрывалами; под каждым покрывалом, поддерживаемым руками шедших с обеих сторон женщин, находилось по семи и более девиц, певших скифские песни; таких рядов женщин под покрывалами было очень много. Когда Аттила приблизился к дому Онегесия, мимо которого пролегал дорога к дворцу, навстречу ему вышла жена Онегесия с толпой слуг, из коих одни несли кушанья, другие — вино (это величайшая почесть у скифов), приветствовала его и просила отведать благожелательно принесенного ею угощения. Желая доставить удовольствие жене своего любимца, Аттила поел, сидя на коне, причем следовавшие за ним варвары приподняли блюдо (оно было серебряное). Пригубив также и поднесенную ему чашу, он отправился во дворец, отличавшийся высотой от других строений и лежавший на возвышенном месте. Мы остановились в доме Онегесия по его просьбе, — так как он уже возвратился с сыном Аттилы, — и пообедали, причем нас принимали его жена и родственники, так как он сам не имел времени пировать с нами: он тогда впервые после возвращения увиделся с Аттилой и докладывал ему об устройстве дела, для которого был послан, и о несчастье, случившемся с сыном Аттилы, которой упал с коня и сломал себе правую руку. После обеда, покинув дом Онегесия, мы разбили шатры вблизи дворца Аттилы для того, чтобы Максимин в случае надобности пойти к Аттиле или переговорить с другими приближенными к нему лицами не был разделен большим расстоянием. Мы провели эту ночь на том месте, где остановились. С наступлением дня Максимин послал меня к Онегесию, чтобы передать ему дары, которые давал он сам и которые прислал император, и чтобы узнать, где и когда он желает с ним переговорить. Придя вместе с

несшими дары слугами, я ждал (так как двери были еще заперты), чтобы кто-нибудь вышел и доложил о нашем прибытии.

Пока я в ожидании прогуливался перед оградой хором, ко мне подошел какой-то человек, которого я принял за варвара по скифской одежде, но он приветствовал меня по-эллински, сказав «χαίρε», так что я удивился, как это скиф говорит по-эллински. Представляя разноплеменную смесь, скифы, кроме своего варварского языка, легко изучают и гуннский или готский, а также и авсонский [66](#), если у кого из них есть сношения с римлянами, но мало кто из них говорит по-эллински, кроме пленников, увезенных из Фракии и иллирийского побережья. Но этих последних встречные легко узнавали по изорванным одеждам и нечесанным головам, как попавших в худшую участь; а этот был похож на богатого скифа, так как бил хорошо одет и острижен в кружок. Ответив на его приветствие, я спросил, кто он, откуда пришел в варварскую землю и почему принял скифский образ жизни. Он ответил вопросом, зачем я пожелал это узнать. Я сказал, что причиной моего любопытства был его эллинский язык. Тогда он с улыбкой сказал, что он родом грек, но по торговым делам приехал в Виминаций, мезийский город на реке Истре, прожил в нем очень долгое время и женился на очень богатой женщине, но лишился своего состояния при завоевании города варварами и благодаря своему прежнему богатству был выбран самим Онегесием при дележе добычи; ибо пленников из числа зажиточных после Аттилы выбирали себе избранные скифы вследствие свободы выбора из множества пленных. Отличившись в происшедших впоследствии битвах с римлянами и акатирским народом и отдав своему хозяину-варвару по скифскому обычаю приобретенные на войне богатства, он получил свободу, женился на варварской женщине, имеет детей и, разделяя трапезу с Онегесием, считает свою настоящую жизнь лучше прежней [67](#)...

Пока мы так разговаривали, один из домочадцев подошел и отворил ворота ограды. Я подбежав и спросил, что делает Онегесий, прося доложить ему, что я желаю нечто сказать от имени пришедшего от римлян посланника. Тот отвечал, что я, немного подождав, встречу с ним самим, так как он собирается выходить. И действительно, спустя немного времени я увидел его выходящим, подошел к нему и сказал, что римский посланник приветствует его и что я принес от него дары вместе с золотом, присланным от императора; а так как посол желает с ним повидаться, то где и когда ему угодно будет переговорить. Онегесий приказал своим людям принять золото и подарки, а меня просил доложить Максимино, что он тотчас придет к нему. Итак, возвратившись, я сообщил, что идет Онегесий; и он тотчас пришел в нашу палатку. Поздоровавшись с Максимином, он выразил благодарность за дары ему и императору и спросил, зачем он его пригласил. Максимин ответил, что настало время, когда Онегесий приобретет среди людей большую славу, если он, придя к императору, своим умом уладит недоразумения и установит согласие между римлянами и гуннами; ибо отсюда не только произойдет польза для обоих народов, но он и дому своему доставит всякие блага, так как и сам он и потомки его навсегда будут пользоваться милостями императора и его рода. Онегесий спросил, что он может сделать в угождение императору или каким образом через него могут быть разрешены недоразумения? Максимин отвечал, что, отправившись в Римскую империю, он сделает удобное императору, а недоразумения разрешит, если исследует их причины и устранит их по уставам мирного времени. На это Онегесий возразил, что он скажет императору и окружающим его только то, чего желает Аттила; или римляне думают, продолжал он, настолько убогатворить его, чтобы он изменил своему владыке, пренебрег полученным в Скифии воспитанием, женами и детьми и не считал рабство у Аттилы выше богатства у римлян. Полезнее будет, если он, оставаясь на родине, смягчит гнев владыки в случае, если он рассердится на римлян, чем если приедет к нам и навлечет на себя обвинение, что он сделал не то, что угодно Аттиле. Сказав это и пригласив меня приходиться и говорить с ним о том, что мы желаем от него узнать, — так как постоянные посещения его Максимином, как лицом высшего достоинства, были бы неприличны, — он удалился. На следующий день я пришел ко двору Аттилы с дарами

для его жены, по имени Креки; от нее он имел троих детей, из которых старший стоял во главе акатиров и прочих народов, живших в припонтийской Скифии. Внутри ограды было множество построек, из которых одни были из красиво прилаженных досок, покрытых резьбой, а другие — из тесаных и выскобленных до прямизны бревен, вставленных в деревянные круги; эти круги, начинаясь от земли, поднимались до умеренной высоты [68](#). Стоявшими у двери варварами я был впущен к жившей здесь жене Аттилы и застал ее лежащей на мягком ложе; пол был покрыт войлочными коврами, по которым ходили. Царицу окружало множество слуг; служанки, сидевшие против нее на полу, вышивали разноцветные узоры на тканях, которые накидывались для украшения сверх варварских одежд. Приблизившись к царице и после приветствия передав ей дары, я вышел и отправился к другим строениям, в которых жил сам. Аттила, чтобы подождать, когда выйдет Онегесий: он уже вышел из своего дома и находился у Аттилы. Стоя среди всей толпы, — так как я был уже известен стражам Аттилы и окружавшим его варварам, и потому никто мне не препятствовал, — я увидел шедшую массу народа, причем на этом месте поднялся говор и шум, возвестивший о выходе Аттилы; он появился из дворца, выступая гордо и бросая взоры туда и сюда. Когда он, выйдя с Онегесием, стал перед дворцом, к нему стали подходить многие, имевшие тяжбы между собой, и получали его решение. Затем он возвратился во дворец и стал принимать прибывших к нему варварских послов.

Пока я ждал Онегесия, Ромул, Промут и Роман, прибывшие из Италии послами к Аттиле по делу о золотых чашах [69](#), в присутствии констанциева спутника Рустиция и Константиола, уроженца подвластной Аттиле области пеонов, вступили со мной в разговоры, спросили, отпущены ли мы, или принуждены оставаться. Я сказал, что именно об этом хочу спросить Онегесия и потому жду у ограды, а затем, в свою очередь, спросил, дал ли им Аттила благоприятный и дружественный ответ по их посольскому делу. Они отвечали, что он решительно не изменяет своего мнения и объявляет войну, если ему не будут высланы Сильван [70](#) или кубки. Пока мы удивлялись безумию варвара, посол Ромул, человек опытный во многих делах, прервав наши речи, сказал, что величайшее счастье Аттилы и происходящее от счастья могущество слишком возвышают его самонадеянность, так что он не терпит справедливых речей, если не признает их выгодными для себя. Никогда никому из прежних владык Скифии или даже других стран не удавалось столько совершить в короткое время, чтобы владеть и островами на океане, и сверх всей Скифии, даже римлян иметь своими данниками. Стремясь достигнуть еще большего сверх существующего и увеличить свои владения, он желает двинуться даже в Персию. Когда кто-то из нас спросил, каким путем может он притти в Персию, Ромул сказал, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии и что гуннам не безызвестен этот путь, так как они уже давно делали вторжение в Мидию, когда их родина была застигнута голодом и римляне не оказали им сопротивления вследствие случившейся тогда другой войны. Таким образом пришли тогда в Мидию Басих и Курсих из племени царских скифов, предводители больших скопищ народа, впоследствии прибывшие в Рим для заключения военного союза [71](#). Перешедшие говорили тогда, что они прошли пустынную страну, переправились через озеро, которое Ромул считал Меотидой, и через пятнадцать дней пути, перевалив через какие-то горы, вступили в Мидию [72](#). Пока они опустошали страну своими набегами, выступившие против них полчища персов наполнили стрелами разлитое над ними воздушное пространство, так что унны из страха перед наступившей опасностью обратились вспять и перевалили через горы с небольшой добычей, так как большая часть ее была отнята мидянами. Опасаясь преследования со стороны неприятелей, они повернули на другую дорогу и после пламени, поднимавшегося из подводной скалы [73](#), отправившись оттуда [74](#)... дней пути прибыли на родину. Так и узнали они, что Мидия находится не на большом расстоянии от Скифии [75](#). Итак, Аттила в случае желания пойти на нее походом не понесет больших трудов и не совершит длинного пути, так что покорит и мидян, и

парфян, и персов и принудит их к уплате дани; ибо он располагает воинской силой, против которой не устоит ни один народ. Когда мы выразили желание, чтобы он пошел против персов и обратил на них оружие, Константиол сказал, что он боится чтобы Аттила, легко подчинив и персов, не возвратился владыкой вместо друга; теперь от римлян привозится ему золото ради его почетного звания, а если он подчинит парфян, мидян и персов, то он уже не потерпит, чтобы римляне присваивали себе его власть, но открыто признает их своими рабами и предъявит к ним более тяжкие и невыносимые требования. Почет, о котором упомянул Константиол, состоял в звании римского полководца, ради которого Аттила принял от императора имя прикрывающей (επικαλυπτοντος) дани (?) [76](#), так что сборы высылались ему под именем столовых денег, выдаваемых полководцам. Итак Константиол говорил, что после покорения мидян, парфян и персов Аттила сбросит с себя это имя, которым римляне желают его называть, и звание, которым, как они полагают, они оказали ему почет, и принудит называть себя вместо полководца царем. Ведь он уже раз сказал в сердцах, что для того [т. е. императора] его слуги — полководцы, а его полководцы равны по чести с римскими императорами. Недолго спустя последует и увеличение настоящего его могущества. Знамение этого дал сам бог, открывший аресов меч, который считался священным и чтился скифскими царями, как посвященный владыке войн, но еще в древние времена исчез, а затем был вновь найден при помощи коровы [77](#).

Каждый желал сказать что-либо о настоящем положении дел, но так как в это время вышел Онегесий, то мы отправились к нему и предложили вопрос о том, что нам интересно было узнать. Он, переговорив сначала с некоторыми варварами, поручил мне узнать от Максимиана, кого из людей консульского достоинства римляне пришлют в качестве посла к Аттиле. Придя в палатку, я доложил, что было мне сказано, и условился с Максимином что следует отвечать на вопрос варвара, а затем возвратился к Онегесию и заявил, что римляне желали бы, чтобы он прибыл к ним для переговоров о недоразумениях, но что если это не удастся, то император пришлет посла, какого сам захочет. Он попросил, меня тотчас позвать Максимиана и, когда он явился, повел его к Аттиле. Немного спустя Максимиан вышел и сказал, что варвар желает, чтобы послом был либо Ном 3, либо Анатолий, либо Сенатор, а другого, кроме названных лиц, не примет. На ответ его, что не годится, приглашая людей к посольству, выставлять их подозрительными перед императором, Аттила сказал, что если они не согласятся исполнить его желания, то придется разрешить недоразумения силой оружия. Когда мы возвратились в палатку, пришел Орестов отец с известием, что Аттила приглашает вас обоих на пир, который начнется в девятом часу дня. В назначенное время мы явились на обед вместе с послами от западных римлян и остановились на пороге против Аттилы. Виночерпии подали нам по туземному обычаю кубок, чтобы и мы помолились, прежде чем садиться. Сделав это и отведав из кубка, мы подошли к креслам, на которых следовало сидеть за обедом. У стен комнаты с обеих сторон стояли стулья. Посредине сидел на ложе Аттила, а сзади стояло другое ложе, за которым несколько ступеней вело к его постели, закрытой простынями и пестрыми занавесями для украшения, как это делают эллины и римляне для новобрачных. Первым рядом пирующих считались сидевшие направо от Аттилы, а вторым — налево, в котором сидели и мы, причем выше нас сидел знатный скиф Берих. Онегесий сидел на стуле-вправо от царского ложа. Против Онегесия сидели на стульях два сына Аттилы, а старший сидел на его ложе, но не близко к отцу, а на краю, смотря в землю из уважения к отцу. Когда все было приведено в порядок, пришел виночерпий и подал Аттиле кубок вина. Приняв его, он приветствовал первого по порядку; удостоенный чести приветия встал с места; садиться следовало лишь после того как, пригубив кубок или выпив, Аттила отдавал его виночерпию. Севшему оказывали таким же образом честь все присутствующие, беря кубки и после приветствия отпивая из них. У каждого был один виночерпий, который должен был входить по порядку после выхода виночерпия Аттилы. После того как удостоился почести второй гость и следующие, Аттила почтил и нас таким же приветом по порядку мест. После того

как все были удостоены этого приветствия виночерпии вышли, и были поставлены столы после стола Аттилы для каждых трех или четырех гостей или даже большего числа; таким образом каждый имел возможность брать себе положенные на блюда кушанья не выходя из ряда седалищ. Первым вошел слуга Аттилы с блюдом, наполненным мясом, а за ним ... служившие гостям поставили на столы хлеб и закуски. Для прочих варваров и для нас были приготовлены роскошные кушанья, сервированные на круглых серебряных блюдах, а Аттиле не подавалось ничего кроме мяса на деревянной тарелке. И во всем прочем он выказывал умеренность: так, например, гостям подавались чаши золотые и серебряные, а его кубок был деревянный. Одежда его также была скромна и ничем не отличалась от других, кроме чистоты; ни висевший у него сбоку меч, ни перевязи варварской обуви, ни узда его коня не были украшены, как у других скифов, золотом, камнями или чем-либо другим ценным. Когда были съедены кушанья, наложенные на первых блюдах, мы все встали, и вставший не возвращался к своему креслу прежде, чем каждый гость из первого ряда не выпил поданный ему полный кубок вина, пожелав доброго здоровья Аттиле. Почтив его таким образом, мы сели, и на каждый стол было поставлено второе блюдо с другим кушаньем. Когда все взяли и этого кушанья, то снова встали таким же образом, выпили и опять сели. При наступлении вечера были зажжены факелы, и два варвара, выступив на средину против Аттилы, запели сложенные песни, в которых воспевали его победы и военные доблести; участники пира смотрели на них, и одни восхищались песнями, другие, вспоминая о войнах, ободрялись духом, иные, у которых телесная сила ослабела от времени и дух вынуждался к спокойствию, проливали слезы. После пения выступил какой-то скифский шут [дословно — поврежденный рассудком скиф] и начал молотъ всевозможный вздор, которым всех рассмешил. После него вошел маврусиец Зеркон [78](#): Эдекон убедил его приехать к Аттиле, чтобы при его посредстве получить обратно свою жену, которую он взял в варварской земле, будучи в тесной дружбе с Бледой; он покинул ее в Скифии, когда был послан Аттилой к Аэцию в виде дара. Но он обманулся в этой надежде, так как Аттила рассердился за то, что он возвратился в его землю. На этот раз он пришел во время пира и своим видом, одеянием и странной смесью произносимых им слов (он смешивал с авсонским языком гунский и готский) всех развлекал и во всех возбудил неугасимый смех кроме Аттилы. Последний оставался неподвижным не менялся лице и никаким словом или поступком не обнаруживал своего веселого настроения. Только когда самый младший из сыновей, по имени Эрна, вошел и встал около него, он потрепал его по щеке, смотря на него нежными глазами. Когда я выразил удивление тому, что он не обращает внимания на других детей, а к этому относится ласково, сидевший рядом со мной варвар, понимавший по-авсонски и предупредивший, чтобы я никому не передавал его слов, объяснил, что кудесники предсказали Аттиле, что его род падет, но будет восстановлен этим сыном. Пока гости проводили ночь в пире, мы потихоньку вышли, не желая слишком долго засиживаться за попойкой.

С наступлением дня мы пришли к Онегесию, говоря, что нас нужно отпустить и не заставлять понапрасну тратить время. Он сказал, что и Аттила хочет нас отослать. Немного спустя, он стал совещаться с избранными людьми о желаниях Аттилы и составлять письмо для передачи императору в присутствии секретарей и Рустиция, уроженца Верхней Мезии, взятого в плен на войне, и, благодаря своему образованию, служившему варвару при составлении писем. Когда он вышел из собрания, мы обратились к нему с просьбой об освобождении жены Силлы и детей ее, обращенных в рабство при взятии Ратиарии. Он не отказал в их освобождении, но хотел выдать их за большую сумму денег. Когда мы стали умолять его пожалеть их участь, приняв во внимание прежде их благополучие, он сходил к Аттиле и отпустил женщину за пятьсот золотых, а детей отослал в виде дара императору. В это время и Крека, супруга Аттилы, пригласила нас отобедать у Адамия, заведывающего ее делами. Придя к нему с несколькими избранными лицами из туземцев, мы встретили радушное гостеприимство. Адамий почтил нас ласковыми словами и приготовленными кушаньями. Каждый из присутствующих по скифской учтивости вставал и подавал нам полный кубок, затем,

обняв и поцеловав выпившего, принимал кубок обратно. После обеда мы возвратились в нашу палатку и легли спать.

На следующий день Аттила снова пригласил нас на пир, и мы по-прежнему пришли к нему и стали пировать. На ложе вместе с ним сидел уже не старший сын, а Оэбарсий, дядя его по отцу. В течение всего пира ласково разговаривая с нами, он просил нас передать императору, чтобы он дал Констанцию (который был послан к нему Аэцием в качестве секретаря) жену, которую обещал. Дело в том, что Констанций, прибыв к императору Феодосию вместе с отправленными от Аттилы послами, обещал устроить нерушимый мир римлян со скифами на долгое время, если император даст ему богатую жену. Император согласился на это и обещал выдать за него дочь Саторнила, известного богатством и знатностью рода. Но этого Саторнила приказала убить Афинаида, или Евдокия (она называлась обоими этими именами [79](#)). Привести в исполнение обещание императора не допустил Зенон, бывший консул, имевший под своей властью большую часть исавров [80](#), с которой он во время войны охранял даже Константинополь. Тогда, начальствуя над военными силами на Востоке, он вывел эту девушку из-под стражи и обручил ее с одним из своих приближенных, неким Руфом. После ее отнятия Констанций просил варвара не оставить без возмездия нанесенного ему оскорбления и дать ему в жены или отнятую девушку, или другую, которая принесла бы приданое. Поэтому-то во время пира варвар и поручил Максимино передать императору, что Констанций не должен быть обманут в поданной ему надежде, так как царю не приличествует лгать... Такое поручение дал Аттила, потому что Констанций обещал дать ему денег, если за него будет сговорена жена из очень богатых у римлян домов.

Выйдя с пира, по прошествии трех дней после этой ночи мы были отпущены с приличными дарами. Вместе с нами. Аттила послал и Бериха сидевшего выше нас на пиру, мужа из числа избранных и начальника многих селений в Скифии, в качестве посла к императору, очевидно желая чтобы и он, как посол, получил дары от римлян. Когда мы во время пути остановились в одной деревне, был пойман некий скиф, перешедший с римской земли на варварскую в качестве лазутчика; Аттила приказал посадить его на кол. На следующий день, когда мы проезжали через другие деревни, были приведены два человека из скифских рабов со связанными назади руками, убившие своих господ на войне; их обоих распяли на бревнах с перекладинами, привязав головами. Пока мы ехали по Скифии, Берих сопутствовал нам и казался человеком спокойным и ласковым. Когда же переправились через Истр, он стал относиться к нам враждебно из-за пустячных предлогов, сообщенных ему служителями. Прежде всего он отнял коня, которого раньше подарил Максимино. Дело в том, что Аттила приказал всем своим приближенным оказывать Максимино любезность дарами, и каждый прислал ему коня, в том числе и Берих. Приняв несколько коней, Максимин отослал остальных обратно, желая умеренностью показать свое благоразумие. Этого-то коня отнял теперь Берих и не хотел ни ехать, ни кушать вместе с нами, так что заключенные нами в варварской земле связи продолжались только до сих пор (?) [81](#). Оттуда через Филиппополь мы двинулись по направлению к Адрианополю. Остановившись здесь на отдых, мы вступили в разговор с Берихом и упрекнули его за молчание, говоря, что он сердится на нас без всякой нашей вины. Успокоив его и пригласив на угощение, мы двинулись дальше. На дороге встретились с Бигилой, возвращавшимся в Скифию, и, сообщив данный Аттилой ответ на наше посольство, продолжали обратный путь. По прибытии в Константинополь мы думали, что Берих сменил свой гнев на милость; но он оставался верен своей дикой натуре, продолжал враждовать и обвинял Максимина в том, что будто бы он в Скифии говорил, что военачальники Ареобинд [82](#) и Аспар [83](#) не имеют никакого значения у царя, и отнесся к ним с презрением, избличая их варварское легкомыслие.

КНИГА IV

Когда Бигила, продолжая путь, прибыл в те места, где в ту пору случилось быть Аттиле, его окружили подготовленные для этого варвары и отняли деньги, которые он вез Эдекону. Его самого привели к Аттиле, и последний спросил его, зачем он везет столько золота? Бигила сказал, что взял его из предусмотрительности о себе и своих спутникам, чтобы не потерпеть неудачи в посольстве по недостатку продовольствия или по неимению лошадей или нужных для перевозки багажа вьючных животных, которые могли погибнуть в продолжительном путешествии; кроме того, у него заготовлены были деньги и для покупки пленных, так как многие лица в римской земле просили его выкупить своих родственников. На это Аттила сказал: «Нет, скверное животное (он назвал так Бигилу), ты не уйдешь от суда благодаря своим выдумкам и не будет у тебя достаточного предложения для избежания наказания, так как у тебя денег больше, чем надо для твоих расходов, для покупки лошадей и вьючного скота и для выкупа пленных, в котором я и отказал, когда ты приезжал ко мне с Максимином». Сказав это, он приказал заколоть мечом сына Бигилы, тогда впервые сопутствовавшего ему в варварскую землю, если он не скажет раньше, кому и с какой целью везет он деньги. При виде юноши, ведомого на смерть, Бигила залился слезами и с воплями вскричал, что меч поистине должен быть занесен на него, а не на юношу, ни в чем не повинного. Нисколько не медля, он рассказал задуманное им с Эдеконом, евнухом и императором и при этом беспрестанно умолял, чтобы его убили, а сына отпустили. Аттила, узнав из сказанного Эдеконом, что Бигила ни в чем не солгал, приказал заключить его в оковы, пригрозив, что не освободит его прежде, чем он не пошлет сына и принесет ему в виде выкупа за себя еще пятьдесят литр золота. Итак Бигила остался в оковах, а сын его возвратился в римскую землю. Затем Аттила послал Ореста и Эслу в Константинополь [84](#).

9. Посланный к нему [г. е. Аттиле] Феодосием младшим в качестве посла Приск, между прочим, сообщает следующее. Переправившись через огромные реки, именно Тисию, Тибисию и Дрикку, мы прибыли на то место, где некогда Видикула, храбрейший из готов, пал жертвой коварства сарматов. Оттуда мы вскоре достигли деревни, в которой пребывал царь Аттила: деревни, говорю я, похожей на весьма обширный город, в которой мы нашли деревянные стены, построенные из полированных досок, скрепления которых так искусно были заглажены, что даже при внимательном рассмотрении едва можно было заметить соединения досок. Там видны были просторные пиршественные залы и очень красиво расположенные портики. Площадь опоясывалась заборами на огромном протяжении, так что само пространство указывало на царский двор. Таково было местопребывание царя Аттилы, владевшего всей варварской страной; это обиталище он предпочитал взятым городам [85](#).

10. Хотя Аттила обладал таким характером, что всегда полагался на великие удачи, однако ему придавал еще более самоуверенности найденный меч Марса, всегда считавшийся священным у скифских царей. Историк Приск рассказывает, что он был найден по следующему случаю. Некий пастух, увидев одну из своих коров хромающей и не находя причины такой раны, в беспокойстве пошел по кровавым следам и, наконец, пришел к мечу, на который неосторожно наступила пасшаяся на траве корова; выкопав меч, он тотчас принес его к Аттиле. Обрадованный этим подарком, он по свойственному ему высокомерию решил, что он поставлен владыкой всего мира и что через Марсов меч ему вручена власть во всех войнах [86](#).

14. Анатолий и Ном со спутниками [87](#), переправившись через Истр, проехали до реки Дренкона и вступили в Скифию; ибо Аттила из уважения к ним встретил их в этой местности, чтобы не утомлять их длинной дорогой. Сначала он говорил надменно, но потом прельстился множеством даров и, смягченный почтительными речами, поклялся хранить мир на прежних условиях, удалиться из ограничиваемой Истром римской области и не беспокоить больше императора из-за беглецов, если только римляне не будут снова принимать других беглецов от него. Он отпустил и Бигилу, получив

пятьдесят литр золота, которые привез ему сын, прибывший в Скифию вместе с послами; кроме того, он отпустил без выкупа множество пленников, чтобы доставить удовольствие Анатолию и Ному. Одарив их конями и звериными мехами, которыми украшаются царские скифы, он отпустил их и вместе с ними послал Констанция, чтобы император привел в исполнение данное ему обещание...

23. О смерти Аттилы ср. рассказ Иордана, 49.

25. Римляне пришли в Колхиду и завязали войну с лазами [88](#); затем римское войско возвратилось восвояси, и царедворцы стали готовиться к новой войне, обсуждая вопрос о том, продолжать ли войну, двинувшись прежним путем, или через Армению, прилегающую к Персидской земле, предварительно склонив на свою сторону через посольство парфянского монарха; ибо им казалось затруднительным объехать морем неприступные места, так как в Колхиде не было гаваней. Гобаз [89](#) со своей стороны тоже отправил посольство к парфянам, но также и к римскому императору. Парфянский монарх ввиду возникшей у него войны с гуннами, по прозванию кидаритами (Κιδάριτας) [90](#) отклонил просьбу обратившихся к нему лазов [91](#).

26. Гобаз отправляет посольство к римлянам. Римляне ответили присланным от Гобазы послам, что они воздержатся от войны, если или сам Гобаз сложит власть, или отнимет царство у сына, так как нельзя им обоим владычествовать над страной вопреки старинному уставу. Остаться царем в Колхиде одному из двух, т. е. Гобазу или его сыну, и этим путем прекратить войну предложил Евфимий, имевший достоинство магистра; славным своим умом и красноречием он получил от императора Маркиана [92](#) заведывание государственными делами и был его руководителем в большинстве хорошо обдуманных дел. Он пригласил и писателя Приска к участию в правительственных заботах. Из предоставленных ему на выбор решений Гобаз предпочел уступку царства своему сыну, а сам сложил знаки своей власти и послал к римскому владыке послов с просьбой, чтобы при единоличном владычестве над колхами он уже не поднимал оружия ради гнева на него. Император повелел ему перейти на римскую землю и отдать отчет в своих намерениях. Гобаз не отказался прибыть, но потребовал, чтобы Дионисий [93](#), ранее присланный в Колхиду вследствие раздоров с ним самим, поручился за то, что с ним не сделают ничего дурного. Поэтому Дионисий послан был в Колхиду, и они вошли в соглашение относительно разногласий [94](#).

28. Когда скиф Баламер нарушил мир и опустошил многие римские города и земли, римляне отправили к нему послов, которые упрекали его за восстание и условились вносить ему ежегодно триста литр с тем, чтобы он не совершал больше набегов; ибо он говорил, что его полчища подняли войну вследствие недостатка в продовольствии. [95](#)

30 ... Около этого времени [96](#) к восточным римлянам прислали послов сарагуры, уроги и оногуры [97](#), племена, выселившиеся из родной земли вследствие враждебного нашествия сабиров [98](#), которых выгнали авары, [99](#) в свою очередь изгнанные народами, жившими на побережье океана [и покинувшими свою страну вследствие туманов, поднимавшихся от разлития океана, и появления множества грипов [100](#): было сказание, что они не удалятся прежде, чем не пожрут род человеческий; поэтому-то, гонимые этими бедствиями, они напали на соседей, и так как наступающие были сильнее, то последние, не выдерживая нашествия, стали выселяться]. Так и сарагуры, изгнанные с родины, в поисках земли приблизившись к гуннам-акатирам и сразившись с ними во многих битвах, покорили это племя и прибыли к римлянам, желая приобрести их благосклонность. Император и его приближенные, областав их и дав подарки, отправили их назад.

34. После пожара города при императоре Льве [101](#) Гобаз прибыл с Дионисием в Константинополь, одетый в персидское платье и окруженный телохранителями по мидийскому обычаю. Царедворцы, приняв его, сначала сделали ему выговор за восстание, но потом отпустили ласково: он подкупил их льстивыми речами и тем, что носил знаки своего христианства [102](#).

35. Скифы и готы, вступив в войну и разделившись, с обеих сторон готовились к приглашению союзников [103](#); в том числе пришли и к восточным римлянам. Аспар полагал, что не следует помогать ни тем, ни другим, а император Лев хотел подать помощь скифам. Он послал иллирийскому военачальнику предписание послать им надлежащую помощь против готов [104](#).

36. Около этого времени прибыло от сыновей Аттилы к императору Льву посольство, желавшее разъяснить причины существовавших раньше несогласий и говорившее, что следует им заключить мир и, по старинному обычаю сходясь с римлянами на Истре, предлагать на продажу свои товары и брать взамен те, в которых у них встретится надобность. Пришедшее с этой целью посольство возвратилось безуспешно; ибо император не пожелал, чтобы унны, причинившие так много вреда его земле, пользовались римскими торговыми уставами. Сыновья Аттилы, получив данный через посольство ответ, рассорились между собою: Денгизих [105](#) по возвращении послов без всякого успеха желал поднять войну против римлян, а Эрпах отказывался от приготовления к ней, так как его отвлекали местные войны [Exc de leg., p. 44 Par., 160—161 .Nieb].

37. Сарагуры после нападения на акатирови другие племена выступили доходом против персов. Сначала они приблизились к Каспийским воротам, но» найдя их занятыми персидской охраной, перешли на другую дорогу, по которой пришли к иберам, и стали опустошать их страну и тревожить набегами поселения армениев; вследствие этого персы, опасаясь этого нашествия сверх завязавшейся у них раньше войны с кидаритами [106](#), отправили к римлянам посольство с просьбой дать им денег или людей для охраны укрепления Юроипаах [107](#). Эти послы говорили то, что уже и раньше часто говорилось ими в посольствах, именно, что римская земля остается невредимой благодаря тому, что они выдерживают битвы и не дозволяют наступающим варварским народам проходить через свою землю. Но им был дан ответ, что всякий должен защищать свою землю и заботиться об ее охране, и с этим они двинулись в обратный путь без успеха [Exc. de leg., p. 44 Par., 161—162 Nieb.].

38. Когда Денгизих поднял войну против римлян и стоял на берегу Истра, узнавший об этом сын Орнигиска (Ορνιγισκλου) [108](#), который начальствовал стражей на фракийском берегу, послал к нему некоторых из своих приближенных с вопросом, по какой причине они готовятся к битве. Денгизих, отнесшись с презрением к Анагасту (Αναγαστου) [109](#), отправил его посланных ни с чем и дослал сказать императору, что если он не даст земли и денег ему самому и следующему за ним войску, то он начнет войну. Когда его послы пришли во дворец и передали порученное им, император отвечал, что он готов сделать все, если они прибыли с изъявлением покорности, ибо он радуется прибытию посланных от врагов для заключения союза [Exc. de leg., p. 44—45 Par., 162 Nieb.].

39. Когда Анагаст, Басилиск [110](#), Острый и некоторые другие римские военачальники заперли готов в одном низменном месте и осадили их [111](#), то скифы, угнетаемые голодом вследствие недостатка продовольствия, отправили к римлянам посольство передать, что они сдаются с тем, чтобы владеть землей и повиноваться во всем, чего пожелают римляне. Военачальники отвечали, что донесут императору об их посольстве, но варвары сказали, что они желают устроить соглашение с ними из-за голода и не могут вынести большого промедления. Тогда предводители римских сил, посоветовавшись между

собой, обещали доставлять им продовольствие до разрешения дела императором, если они разъединятся подобно тому, как разъединено и римское войско: таким образом, говорили они, легко будет заботиться о них, так как военачальники будут иметь дело с доставшимися им по жребью лицами, а не со всеми, и из видов честолюбия всячески будут соревноваться в доставке им припасов. Скифы охотно приняли сообщенное им через послов предложение и разделились на столько частей, на сколько были разделены и римляне. Тогда Хелхал, родом из гуннов, служивший офицером у начальников аспаровых полков, пришел к доставшейся им по жребью варварской части и, пригласив выборных готв, которых было в этой части больше других, начал говорить им такие речи, что император дает им землю, но не для их пользования, а для находящихся между ними гуннов. Ибо они, не занимаясь земледелием, подобно волкам нападают и расхищают их пищу, так что они [т. е. готы], состоя в положении рабов, трудятся для доставления им продовольствия, хотя готское племя всегда было враждебно гуннам и еще предки клялись избегать союза с ними; поэтому сверх лишения своего достоинства они оказывают презрение к клятвам предков. Сам же он, хотя и гордится своим гунским происхождением, но из любви к справедливости сообщил им это и дал совет, что следует делать. Готы, взволнованные этими речами и полагавшие, что Хелхал сказал это из расположения к ним, сплотились и стали избивать находившихся между ними гуннов; это послужило сигналом к жестокой схватке между обоими народами. Узнав об этом, Аспар, а также и начальники прочих отрядов выстроили свои войска и стали убивать всех попадавшихся варваров. Скифы, поняв коварный обман, стали отзывать друг друга и двинулись против римлян. Люди Аспара успели раньше уничтожить доставшуюся им часть варваров; для остальных военачальников сражение оказалось не безопасным, так как варвары бились до того мужественно, что уцелевшие из них прорвались сквозь римские полки и таким образом избежали осады [112](#).

41. У римлян и лазов была сильнейшая вражда с племенем сваннов, καὶ σφοδρὰ ἐς τὴν τοῦ σηματοῦ τῶν Σουαννῶν συνισταμένων μάχην. [113](#) Когда персы также вознамерились воевать с ним из-за укреплений, которые были отняты сваннами, он отправил посольство с просьбой, чтобы император прислал ему вспомогательный отряд из числа солдат, охранявших границы подвластных римлянам армений, для того чтобы благодаря их близости иметь готовую помощь и не подвергаться опасности в ожидании прибытия помощи издалека, или не стесняться расходами по их прибытии, если случится, что война затянется, как это было уже раньше. Дело в том, что, когда была прислана помощь с Гераклием [114](#), а персы и иберы, выступившие против него войной, были тогда отвлечены другими народами,..., отослал вспомогательный отряд обратно, затрудняясь доставлением ему продовольствия, так что при нападении парфян ему пришлось снова призвать римлян. Последние обещали прислать ему вспомогательный отряд и лицо, которое будет им предводительствовать; но в это время прибыло и персидское посольство с известием, что гунны-кидариты разбиты ими и город их Балаам взят приступом. Они возвестили о победе и по-варварски прихвастывали, желая выставить на вид величину имеющихся у них сил. Но император отослал их немедленно, будучи более озабочен событиями в Сицилии [115](#).

42. В этом году [116](#) император Лев вооружил и отправил большой флот против Гизериха, властителя над афрами... Главным начальником этого флота он назначил Василиска, брата императрицы Берины, уже исправлявшего консульскую должность и часто побеждавшего скифов во Фракии. [117](#)

43. Около этого же времени, при начале войны скифов с восточными римлянами, во Фракии и на Геллеспонте произошло землетрясение [118](#)...

«К фрагментам Приска по не вполне определенной конъектуре присоединено следующее место Свида» (Dind.):

2. Тростниковые плетни. «Лазы, выкопав ямы и воткнув в ямы копыя, закрыли остатки этих ям тростниковыми плетнями и древесными ветвями, не имевшими прочного основания, но скользившими под напором тяжести; сделав над ними насыпи, распахав землю с обеих сторон и засеяв ее пшеницей, они обратили римлян в бегство» [119](#).

Комментарии

2 Из истории Приска заимствованы, главным образом, отрывки этнографического характера, а некоторые подробности исторических событий опущены, так как события эти происходили не на территории собственной Скифии. Полное собрание отрывков Приска переведено на русский язык, с введением и примечаниями, Г. С. Дестунисом в «Ученых Зап.2-го Отд. Имп. Акад. Наук», VII, 1, Спб., 1861, стр. 1—112.

3 [Он же Ругас(Iorn., Get., 35, 180) и Роил (Theod., Hist. Eccl, V, 36), дядя Аттилы с отцовской стороны].

4 В 433 г. н. э.; о племенах ср. Iord., Get., 24.

5 [У Иордана названы ахильдзурами].

6 [Быть может, родственное бойям припонтийское племя, первоначально пользовавшееся независимостью, а затем во избежание подчинения Руе ставшее под покровительство римлян],

7 [Гунн, служивший при дворе Руи и Аттилы и неоднократно употреблявшийся для переговоров в Константинополе].

8 (Скиф, т. е. из числа гунско-готских племен; консул 419 г.).

9 [Консул 429 г. и *magister militum per Orientem*; в 453 г., будучи в Константинополе, добивался участия в посольстве к гуннам].

10 [Консул 419 г. К гуннам отправился в 434 г.].

11 [В 434 г.].

12 Также Блета, брат аттилы (повидимому, старший), царствовавший совместно с ним над частью гунских племен и убитый по его приказанию в 447 г.].

13 [Комет и *magister memoriae* при дворе Феодосия II, один из составителей *Codex Theodosianus*].

14 [Крепость в Верхней Мезии на римско-дакийской границе, отождествляется с развалинами, носящими ныне наименование Кустар, близ селения Дубракива в Югославии. Ср.Дестунис, Сказания Приска Панийского, СПб., 1861, стр. 19, прим. 4].

15 [«Царскими скифами» Приск называет правящую часть гуннов, т. е. Аттилу и его дружину, осуществлявшую господство гуннов над другими припонтийскими и придунайскими племенами. Возможно, что при употреблении этого наименования немалое значение имеет идущая от Геродота (через Strabo, VII, 3, 17) традиция — именовать «царскими» скифами (или сарматами) часть племени, представлявшую непосредственную опору царя. Ср. Дестунис, ук. соч., стр. 19, прим. 5].

16 [Пропуск в тексте].

17 [Литра = римская либра = 327,5 г].

18 [Высокопоставленный гунн, вероятно, сын вождя, ранее перешедший со своим отрядом на сторону римлян]

19 [Ранее бежавший от преследования царя Руя (Seeck, RE, V, 2, 1888)].

20 [Также Carsium (GIL, III, 1352), отождествляется с современным селением Гершова в Добрудже (RE, III, 2, 1616)].

21 [Одно из числа «гунских», т. е. подчиненным гуннам, племен: упоминается также у Iord, Get., 24, 126; должны быть сопоставлены с названными ниже сарагурами]. Отрывок взят из Exc. de leg., p. 47—48 ed. Par., 166—169 Niebuhr.

22 [Значительный город в Верхней Мезии, в области Дардания; см., след. прим.].

23 [Название реки испорчено: река, на которой лежит Наисс (современный Ниш) называется Нишава].

24 [Т.е. о величине и весе достаточные для того, чтобы загрузить телегу].

25 Exc. de leg., p. 305—306 ed. Par. Поместить этот фрагмент на это место предложил R. Roesler, JfOeG, 1869, стр. 844, относя его к 441 г.

26 В 442 г.

27 Крупный город Верхней Мезии на берегу Дуная при впадении реки Марга (современной Моравы)].

28 Exc. de leg., p. 33—34 Par., 140—141 Niebuhr.

29 [Феодосий II (408—450 гг.)].

30 В 442 г.

31 [Также Raetiaria, значительный город Верхней Мезии на правом берегу Дуная, римская пограничная крепость и стоянка дунайского флота, центр области Dacia Riponsia, локализуется на месте современного селения Арчер в Болгарии]. Отрывок взят из Exc. de leg., p. 34 Par., 141 Niebuhr.

32 «Сенатор был консулом в 436 г. К какому году относится это посольство, сказать трудно. Valesius полагает, что оно, вероятно, должно быть помещено раньше херсонесского сражения, которое упоминается во fr. 5» (Mueller).

33 [Древнегреческая колония на месте современной Варны в Болгарии].

34 Exc. de leg., p. 48 Par., 169 Niebuhr.

35 [Столкновение имело место в 447 г. на Херсонесе Фракийском].

36 В 447г. [Консул 440 г. Будучи отмечен в Not. Dign. с 438г. в качестве magister utriusque militiae per Orientem, с 446 г. он находился в Константинополе в качестве "патриция" и magister militum praesentalis; дважды возглавлял посольство к Атилле].

37 Exc. de leg., p. 34—35 Par., 142—145 Nieb.

38 [Евнух при дворе Феодосия II, прозванный Tzuma, титуловался primicerius sacri cubiculi, а позднее spatharius; оказывал большое влияние на государственные дела].

- 39** Об этом см. fr. 7. То, что здесь рассказывается, относится к 448 г. [Эдекон — гот, бывший телохранителем Аттилы; будучи послан для переговоров в Константинополь, он согласился по наущению Хрисафия убить Аттилу, но затем изменил в предал заговор гласности].
- 40** [Flavius Areobindus Martialis был в 448 г. magister officiorum].
- 41** [Один из приближенных императора Феодосия II; о его дипломатической деятельности см. введение к отрывкам из Приема].
- 42** [Влиятельный придворный Аттилы, брат Скотты, придворного и посла гуннов в Константинополе в 447 г.].
- 43** [На месте современной болгарской столицы Софии; фракийское наименование этого поселения — Triaditza].
- 44** [Приближенный Аттилы и его секретарь, по прозвищу "римлянин", житель Пеонии (Паннонин) на реке Саве].
- 45** [Известен лишь в качестве лица, исполнявшего указанную в тексте должность magister militum per Illyricum.]
- 46** [Перейдя Истр, посольство Максимиана двигалось на северо-восток, в область, носящую название Малой Валахии (в Румынии), где и следует полагать местонахождение тогдашнего лагеря Аттилы; ср. об этом подробно Дестунис, ук. соч.стр. 37, прим. 45].
- 47** [В три часа пополудни].
- 48** [Гунн, один из влиятельных придворных Аттилы, которого он посылал в 447 г. в Константинополь].
- 49** [Римлянин, родом из Мезии, побывавший в плену у гуннов].
- 50** [Этот италиот Констанций не должен быть смешиваем с другим Констанцием, родом из Галлии, который был также прислан Аэцием к Аттиле для исполнения секретарских обязанностей. Их различает сам Приск в этом же отрывке, в части, опущенной Латышевым. См. Дестунис, ук. соч., стр. 49].
- 51** [По имени Эллаком].
- 52** [Также аказиры—наименование, в котором, может быть, звучит имя геродотовых агафирсов].
- 53** [Известен лишь из настоящего текста].
- 54** [Ближе не известный гунн; ср. об этом имени соображения Дестуниса, ук. соч. стр. 45, прим. 55].
- 55** [Все эти три реки трудно локализуемы; они принимаются Томашеком за одну и отождествляются иногда с Тиссой (Тифесас), большей же частью с современной речкой Бега (ср. RE, IV A, 941: V, 1706): нмя последней из названных рек (Тифесас) сопоставляется также с латинским наименованием реки Tibiscus, которая отождествляется с рекой Темеш].
- 56** [Этот факт должен служить указанием на то, что в числе гуннских были, несомненно, и славянские племена].

- 57** Что *καμος*, который обычно считается нашим квасом, был утке в употреблении по время Диоклетиана, доказывает эдикте ценах; см. CIL, III, suppl., fasc. 3, стр. 1931.
- 58** О красных кожах см. объяснение Г. С. Дестуниса, стр. 47, прим. 59.
- 59** [Тесть Ореста, посланный Аэцием к Аттиле в 448 г.].
- 60** [По другому чтению — Примут].
- 61** [Прибывший для совершения бракосочетания своего сына с дочерью Ромула].
- 62** Далее выпущено изложение причины этого посольства, как не имеющее отношения к Скифии.
- 63** [Где находилась эта столица Аттилы, в точности не известно. Судя по описанному выше маршруту, при всей его смутности, речь должна идти скорее всего о восточной Венгрии. Ср. Дестунис, ук. соч., стр. 50, прим. 65].
- 64** [Т. е. из Паннонии, находившейся под властью Аттилы].
- 65** [Значительный город Нижней Паннонии, на левом берегу реки Савы, на месте современного селения Митровиц].
- 66** [Т. е. латинский].
- 67** Дальнейший разговор автора с этим греком выпущен.
- 68** См. объяснение Г. С. Дестуниса, стр. 60, прим. 75, [понимающего круги венцы сруба и считающего данное место текста испорченным].
- 69** [Сущность этого дела изложена выше, в части, опущенной Латышевым. См. Дестунис, стр. 481..
- 70** [Начальник монетного стола в Риме. См. выше в опущенной Латышевым части отрывка, Дестунис, стр. 48].
- 71** [Эти ближе не известные гунские вожди, пытавшиеся завоевать царство Сассанидов, совершили свой поход, видимо, еще вначале V в; хотя Seeck, RE, III, 41 относит его к середине этого века].
- 72** [Путь гуннов лежал, таким образом, через Азовское море, а затем через Кавказ по Дарьяльскому ущелью («Сарматские ворота» древних авторов)].
- 73** [Эта деталь, несомненно связанная с явлениями, наблюдавшимися в нефтеносных районах (в данном случае на Апшеронском полуострове), указывает на то, что обратный путь гуннов шел в обход Кавказа с востока].
- 74** [Пропуск в тексте].
- 75** Ср. об этом походе гуннов примечания Г. С. Дестуниса, стр. 62. сл.
- 76** [Нужно думать, что в слове *επικαλυπτοντος* три последние буквы — диттография, откуда следует перевод: «имя, скрывающее <понятие> дани]. Ср. fr. 10,
- 77** [Консул 445 г., комит и *magister officiorum*, пользовался большим влиянием при дворе Феодосия II, являлся другом Хрисафия и был в действительности послан к Аттиле, вместе с Анатолием, вероятно, в 449 г. Ср. Ensslin, RE, XVII, 1, 845 сл. 4].

78 См. fr.11.

79 Супруга Феодосия II. Убийство Саторнилы, по Chron Marcell., относится к 44 г.

80 [Дикое разбойничье племя, обитавшее в южных отрогах малоазийского Тавра; исавры принимались на службу восточными императорами в качестве телохранителей].

81 [Т. е. до границы империи].

82 [Он же Марциал, о котором см. выше, в начале этого отрывка].

83 [Флавий Ардабур Аспар, гунско-готского происхождения, родственник Плинты, консул 434 г. и полководец, командовавший варварскими силами империи в предприятиях на западе и на востоке].

84 Exc. de leg., p. 48—71 Par., 169—212 Nieb.

85 Iord., Get., 34. Это должно присоединить к тому, что находится so fr. 8, p. 303, 14.

86 Культ меча у скифов подробно описан у Her., IV, 62. Отрывок взят из Iord., Get., 35. Более коротко это рассказано во fr. 8, p. 314, 16.

87 Ср. о них fr. 13. Относится это к 449 г.

88 В 456 г,

89 [Царь лазов, правивший совместно со своим сыном. См. Seeck, RE, VII, 2, 1548; ср. также Дестунис, ук. соч., стр. 83, прим. 107].

90 [Т. е. носителями восточного головного убора, именовавшегося κίθαρις или πίλος, ср. со скифами «в остроконечных шапках» персидских надписей, ВДИ, 1947, N 1, стр. 279].

91 Exc. de leg., p. 73—74 Par., 217 Nieb.

92 [Преемник Феодосия II на константинопольском престоле (450—457 гг.)].

93 [См. выше, fr. I].

94 Exc. de leg., p. 41 Par., 155—156 Nieb.

95 См. Tillemont, III, 373, который считает, что рассказанное событие должно относиться, вероятно, к 461 г. [Нужно думать, что оно относится к значительно более раннему времени и названное в отрывке скифское имя должно быть сопоставлено с именем царя гуннов Баламбера (Iord., Get., 24), подчинившего себе около 375 г. часть готских племен]. Отрывок взят из Exc. de leg.. p. 74 Par., 217—218 Nieb.

96 В 463 г.

97 [Эти ближе не известные племена должны быть локализованы где-либо в районе Кавказа, ибо именно там свидетельства греческих и латинских авторов помещают изгнанных аварами из их родины сабиров; ср. след. прим.].

98 [Локализуемое к югу или к востоку от Урала родственное гуннам племя, именующееся у позднейших авторов Σαβειροι, откуда, вероятно, происходит и наше наименование Сибири. Прокопий (ВР, II, 29) фиксирует это племя (по изгнании его аварами) в северокавказских степях].

99 [Происходящее из пространств между Уралом и Алтаем родственное гуннам племя аваров проникшее после падения гуннского могущества в Восточную Европу и продвинувшееся постепенно до Венгрии: русской летописи оно известно под именем обров, вошедшее у славян в поговорку]

100 Относительно фрагмента, заключенного в скобках, см. примечание Дестуниса, стр. 87, прим. 111. [Ср. рассказ Геродота о переселении невра (IV, 105)].

101 [457—474 г.].

102 «Во fr. 26 мы читаем, что Гобаз, которому приказали притти ко Льву, прежде, чем подчиниться, потребовал, чтобы к нему прибыл Дионисий и представил заверение, что Гобаз не потерпит ничего враждебного. Мы отнесли это к 456 г. как на основании упоминания императора Маркиана, так и по положению эксцерптов. Напротив, данный фрагмент, поскольку он принадлежит ко времени, более позднему, чем пожар города (2 сентября 465 г.), должен относиться к концу 465 г. или, скорее, к 466 г. и не может быть соединен с тем, что рассказывается во fr. 26, как правильно установил Tillemant t.VI, 389: 133 (Mueller. Отрывок взят из Exc. de leg., p. 43-44 Par., 160 Nieb.)

103 Около 466 г.

104 Exc. de leg., p. 44 Par., 160 Nieb.

105 [Также Dintzic (Iord., Get., 53, 272), сын Атилы, царствовавший после его смерти над небольшой частью племен, бывших подвластными его отцу].

106 Об этой войне см. fr. 31—33.

107 [Ближе не известно; по другому чтению Уроисах].

108 Ἀρνεύισκλου Iord., Ἀνεύισκλου Ioann. Ant. fr. 306. Ниже тот же человек называется Ἀναγκστός. Magister militum в 447 г., выступавший против Атилы].

109 [Сын вышеназванного Орнигискла, magister militum в 467 г., выступавший против готов].

110 [Шурин императора Льва I, консул 465 г., magister militum в 476 г.].

111 Около 467 г.

112 Exc. de leg., p. 45—46 Par., 162—164 Nieb.

113 «Classen полагает, что словом μαχην, которое находится в обоих явно испорченных местах, указывается собственное имя вождя сваннов. Tillemont, VI, 401, предполагал, что должно читать ες την κατα του Σηματος (т. е. вождя лазов)... μαχην (Mueller). Последний события, здесь рассказанные, вместе с Tillemont'ом относит • к 468 г. Ср. прим. к этому фрагменту у Дестуниса, стр. 97 сл., прим. 124.

114 [Сын Флора, родом из Эдессы, восточноримский полководец 50 60 гг. V в.].

115 Exc. de leg., p. 46 Par., 164—165 Nieb.

116 В 468 г.

117 Theoph., Chron., p. 179 ed. Bonn.

118 Euagr., Hist. eccl., II. 14.

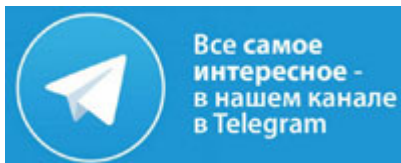
119 «Bernhardy приписывает это место Поиску и считает, что оно сокращено Свидой» (Dind.).

Текст воспроизведен по изданию: Вестник древней истории, 1948, No. 4, стр. 244-267.

Еще больше интересных материалов на нашем телеграм-канале [Вперед в прошлое | Документы и факты](#)

[<<-Вернуться назад](#)

Печать

Поделиться

Главная страница | Обратная связь
COPYRIGHT © 2008-2024 All Rights Reserved.

